

АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ СКРЫДЛОВ

кандидат исторических наук,
заведующий Сектором истории Академии наук
и научных учреждений

Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: askrydlov@gmail.com

Российская школа государственоведения о предмете и методе статистической науки (конец XVIII — первая половина XIX в.)

УДК: 311 (09)

DOI: 10.24412/2079-0910-2021-2-26-43

В статье представлен обзор научных работ крупнейших представителей российской школы государственоведения — раннего направления статистической науки, которое сложилось в России под влиянием немецкой университетской статистики в конце XVIII — первой половине XIX в. С опорой на историографический материал проведен анализ изложенных в них теоретических положений о задачах статистики как науки, ее предмете и методологии статистических исследований. Впервые в российской науке теоретические аспекты статистики получили освещение в работах К.Ф. Германа, который разработал собственную методологию статистических исследований, систему расположения материалов при статистическом описании и критике источников. Его ученик К.И. Арсеньев развивал идеи Германа и прилагал их к своим исследованиям. Работы Германа и Арсеньева стали первыми трудами в рамках зарождающегося политико-экономического направления российской статистики. Однако отстранение этих ученых от преподавания в ходе «дела профессоров» и цензурный запрет на использование их учебных пособий затормозил развитие этой школы, и в следующие два десятилетия ученые-статистики продолжали работать в русле традиций немецкого государственоведения. В статье проанализированы теоретические работы наиболее заметных ученых 1820–1830-х гг. — Е.Ф. Зябловского и И.А. Гейма, а также показана позиция критиков описательной школы — В.С. Порошина, И.И. Срезневского, А.П. Рославского, Д.П. Журавского. Отмечено, что главной особенностью российской школы государственоведения стало стремление к изучению причинно-следственных зависимостей и общих законов развития общества, и именно внутри этого направления сформировались предпосылки многих статистико-теоретических концепций.

Ключевые слова: история статистики, государственоведение, К.Ф. Герман, К.И. Арсеньев, Е.Ф. Зябловский, И.А. Гейм, В.С. Порошин, Д.П. Журавский.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-111-50412.

Выбор оптимальных управленческих решений в современной России во многом определяется качеством статистических исследований. Перемены в общественно-политической и социально-экономической жизни страны делают актуальными проблемы статистической науки и требуют от нее разработки новых направлений и методик проведения исследований. Очевидно, что для более эффективной организации статистических исследований сегодня необходим детальный ретроспективный анализ эволюции статистической науки и практики, выявление исторически сложившихся, стабильных элементов ее организации и методологии. В этом контексте особый исследовательский интерес вызывают труды представителей школы государственоведения — раннего направления статистической науки, которое сложилось в России под влиянием немецкой университетской статистики в конце XVIII — первой половине XIX в.

Наследие российской школы государственоведения долгое время не находилось в центре внимания историков статистики. Во второй половине XIX в. по мере распространения идей А. Кетле в России возобладала точка зрения Ю.Э. Янсона, критиковавшего государственоведов за «искусственность содержания, стремление возвести на степень науки простой набор фактов, расположенных в том или ином порядке» [Янсон, 1887, с. 8]. Интерес к идеям классиков описательной школы возрос в первые годы существования советского государства [Кауфман, 1922]. Безусловным достижением советской историографии стал сбор и систематизация обширного фактического материала, касающегося биографических сведений и научного наследия наиболее выдающихся представителей университетской статистики конца XVIII — первой половины XIX в. [Птуха, 1955, 1959; Гозулов, 1972; Дружинин, 1979]. Традицию изучения раннего направления статистической науки продолжили современные авторы, которым удалось включить достижения государственоведов в общий контекст эволюции статистического знания в России [Плошко, Елисеева, 1990; Скопа, 2015; Соколов, Еременко, 2011; Шейнин, 2014; Ефимова, 2015, 2016].

Государствоведение как отдельная область знания зародилось в Германии в XVII в. и во многом опиралось на классические труды античных философов о государстве. Основателем новой дисциплины принято считать немецкого ученого-энциклопедиста Германа Конринга, который в 1660 г. начал в Гельмштедтском университете преподавание курса о «достопримечательностях» различных государств. Значение новой дисциплины ученый видел в том, чтобы удовлетворить потребность правящей элиты в знаниях, необходимых для управления государством. Главную задачу государственоведения Конринг определял как создание точного описания современного состояния государства, которое должно было включать географические, этнографические, политические и экономические сведения, имеющие значение для развития страны [Взаимосвязи, с. 42–43]. Новая дисциплина постепенно набирала популярность в германских университетах, став необходимым элементом подготовки по юридическим специальностям. Важную роль в этом процессе сыграл Готфрид Ахенваль, благодаря которому государственоведение окончательно обрело форму и содержание и получило признание не только в немецких землях, но и за ее пределами. В 1748 г. он опубликовал краткую программу статистики и начал преподавать новую дисциплину в Геттингенском университете [Achenwall, 1748]. В 1749 г. вышел в свет его «Очерк по государственоведению империй Европы», который впоследствии многократно переиздавался [Achenwall, 1749]. В этой работе Ахенваль определял понятие, сферу интересов и значение новой отрасли знания.

Главная задача статистики, по его мнению, состояла в сборе и систематизации сведений о «государственных достопримечательностях». Однако критерии отбора «достопримечательностей» были сформулированы расплывчато — они должны иметь отношение к благосостоянию государства. Таким образом, отбор материалов для описания зависел от субъективного мнения исследователя, что в дальнейшем стало поводом для разногласий между его последователями. По замечанию Янсона, «вся последующая статистическая литература в Германии вращается в различном понимании этого термина “достопримечательностей” <...> Одни ученые, подобно Ахенвалю, в своих описаниях выдвигали на первый план государственное устройство, другие — государственные силы (войско и финансы), третьи — хозяйственную деятельность населения и т. д. По мере того, как накапливается числовой материал, описание государств более изобилует цифрами, <...> но сущность дела остается та же: предмет науки — искусное изображение состояния государства. Разнятся эти описания только тем признаком, который служит критерием для выделения достопримечательностей» [Янсон, 1887, с. 12–15].

Ахенвалю удалось сформировать вокруг себя круг учеников и последователей, которые популяризировали идеи государственоведения. Больше других распространению новой дисциплины в России способствовали А.Ф. Бюшинг и А.Л. Шлецер, научные биографии которых оказались тесно связаны с нашей страной. Бюшинг, которого принято считать основателем современной географии, прибыл в Россию в 1760 г. и некоторое время служил пастором лютеранской церкви Святого Петра в Петербурге. Неотъемлемой частью его географических трудов были сведения о политическом строе, границах и экономике, которые ученый рассматривал сквозь призму государственоведения как часть политической географии. При этом статистические материалы о состоянии различных государств он располагал в сравнении, концентрируя внимание на материальных и экономических факторах. Шлецер вел научную работу в Петербурге с 1761 по 1769 г. и был избран членом Санкт-Петербургской Академии наук. Будучи учеником Ахенваля, в 1772 г. он занял кафедру статистики в Геттингенском университете и в 1804 г. опубликовал работу «Теория статистики. Идеи об изучении политики вообще», где дополнил тезисы Ахенваля о задачах статистики [Schlözer, 1804]. По мнению Шлецера, ученым-статистикам следовало разработать теоретические основы и методы сбора сведений о «государственных достопримечательностях», а работу по сбору данных должны были выполнять государственные статистические органы [Святловский, 1906, с. 170].

Таким образом, во второй половине XVIII в. немецкие статистики подошли к необходимости разработки теоретических аспектов новой отрасли знаний. Территория страны и ее население (предмет изучения государственоведения) рассматривались с точки зрения их влияния на «государственные достопримечательности». Методика работы с ними предполагала систематизацию качественных показателей, при этом количественным характеристикам объектов долгое время не придавалось значения. Эмпирическое наблюдение крайне редко сопровождалось причинно-следственным анализом, но чаще — компаративным методом. Сравнение состояния различных государств способствовало сосредоточению внимания на материальных и экономических факторах их развития, которые выражались посредством чисел. Количественные показатели вошли в обиход одновременно с табличной и графической формами представления результатов исследований, что стимулировало использование числовых данных. Кроме того, компаративный метод побуждал

государствоведов к выявлению причин и закономерностей изучаемых явлений [*Взаимосвязи*, с. 42–46].

Первые работы в духе государственствования начали появляться в России в XVIII в. В трудах И.К. Кирилова, И.Ф. Германа, Л.Ю. Крафта, А.К. Шторха в определенном порядке излагались доступные авторам сведения о «государственных достопримечательностях». Описания по своей форме повторяли труды немецкой школы государственствования, их качество зависело от объема и точности накопленных эмпирических знаний, при этом вопросы статистической теории не освещались [*Дружинин*, 1961b, с. 3].

Интерес к теоретическим аспектам государственствования возник в России в начале XIX в. и хронологически совпал с началом царствования императора Александра I. Реформы в сфере государственного управления, нарастающие изменения в экономической жизни, оживление общественной мысли — все эти факторы вызывали потребность в проведении статистических изысканий, в создании литературы по статистике, а также создавали предпосылки для распространения статистических знаний в обществе. Именно в этот период начался процесс формирования центральных органов административной статистики, а также институционализация статистической науки в Академии наук и российских университетах [*Скрыдлов*, 2018, с. 724–725]. Регламент Императорской Академии наук, принятый 25 июля 1803 г., среди задач главного научного учреждения страны определял распространение «познания естественных произведений империи, изыскивая средства к умножению таковых, кои составляют предмет народной промышленности и торговли, к усовершенствованию фабрик, мануфактур, ремесел и художеств, сих источников богатства и силы для государства». Закономерно, что в § 3 Регламента среди наук, «коих усовершенствованием Академия должна заниматься», были указаны «статистика и экономия политическая». § 46 Регламента закреплял, что в Академии по этому классу должен состоять один ординарный академик [*Соколов*, 2015, с. 124]. В результате университетской реформы 1802–1804 гг. в России была создана новая система высшего образования, которая среди прочего предполагала преподавание камеральных наук. В соответствии с уставами 5 ноября 1804 г. в структуре Московского, Казанского и Харьковского университетов были созданы кафедры всемирной истории, статистики и географии, а также истории, статистики и географии Российского государства. Таким образом, статистика впервые была введена в программу обучения высших учебных заведений России [*Скрыдлов*, 2020, с. 25–26].

Формирование первых статистических научных центров по времени совпало с увеличением массива эмпирических данных, которые стали доступны исследователям. Описывая условия доступа к статистическим материалам, принятые в российских государственных учреждениях в конце XVIII в., академик К.Ф. Герман отмечал, что «каждое сведение, даже о хозяйственном или физическом состоянии губернии, делалось государственной тайной потому уже, что оно поступало в канцелярии, из коих по законам строго было запрещено сообщать архивные известия» [*Герман*, 1817, с. 74–75]. Получить засекреченные данные можно было только по разрешению императора или же в обход закона, используя неофициальные личные связи, однако это не гарантировало их достоверность. По словам Германа, степень секретности порой доходила до абсурда: «Ученый, пользующийся самой широкой известностью, имел эту протекцию. Ему давали выписки, которые он просил, и которые он использовал в своих работах. Как же он был огорчен, узнав позже, что эти

сведения специально составлялись в Государственной канцелярии для того, чтобы скрыть от него истинное положение» [Птуха, 1955, с. 99].

Невозможность полноценно использовать материалы государственных учреждений была одним из главных препятствий на пути развития государственного управления в России. Ситуация существенно изменилась с началом министерской реформы. В §§ 12–13 Манифеста «Об учреждении министерств» 1802 г. был установлен порядок составления и подачи министерских отчетов, которые ежегодно должны были рассматриваться в Сенате и представляться императору¹. Их содержание уже не носило секретный характер, более того, обычной практикой стала их публикация. По замечанию академика К.И. Арсеньева, «скоплением столь обильных и драгоценных материалов предуготовлено было появление в России статистики <...> С 1803 г. или в течение последних пятнадцати лет статистика более утвердилась, нежели в целое истекшее столетие. Министры дают сведения о предметах, кои дотоле считались государственной тайной» [Арсеньев, 1818, с. 14–15]. Наиболее ценным источником статистических данных стали отчеты Министерства внутренних дел, которые публиковались начиная с 1802 г. Одновременно с министерскими отчетами в начале XIX в. начали выходить ведомственные журналы и газеты, в которых размещались разнообразные статистические материалы [Елисеева, Дмитриев, 2016, с. 14–16].

Для осмысления и обработки новых данных требовался «ученый» подход, и к теоретическим изысканиям в области государственного управления обратились ведущие ученые-статистики. Наибольшим научным авторитетом среди них обладал упомянутый выше К.Ф. Герман (1767–1838), автор первого в России труда по теории статистики. Биография Германа демонстрирует удачное сочетание научно-преподавательской деятельности и государственной службы. Уроженец Данцига, он получил образование в Геттингенском университете — центре немецкой школы государственного управления. В 1795 г. Герман перебрался в Россию по приглашению камергера и будущего министра финансов Д.А. Гурьева для воспитания его детей. Одновременно он занялся преподаванием истории, географии и статистики в Морском кадетском корпусе. Нехватка квалифицированных кадров в учебных заведениях столицы позволила талантливому ученому быстро реализовать себя: в 1798 г. он получил место ректора Академической гимназии, в 1805 г. был избран адъюнктом в Санкт-Петербургскую Академию наук, а в 1806 г. занял кафедру статистики в Педагогическом институте [Дмитриев, 2017; Скрыдлов, 2017].

К теоретическим проблемам статистической науки Герман впервые обратился в статьях на страницах «Статистического журнала», который он редактировал и издавал при Академии наук в 1806–1808 гг. [Герман, 1806]. Далее последовала серия работ, в которых ученый обобщил свои представления о теории статистики, придав им законченную форму [Герман, 1808, 1809, 1819]. Необходимость изучения теории статистики Герман объяснял практическими целями: теория должна дать науке «правила и образцы, которым следуя <...>, можно бы было сделать полезнейшее изображение в рассуждении государственного хозяйства и политики» [Герман, 1809, с. 25]. Указывая, что «предмет статистики есть государство» и все, что «самым отдаленным образом принадлежит к государству», Герман обращается к понятию «государственных достопримечательностей» и с его помощью определяет место

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. Т. XXVII. № 20406. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии. 1830. С. 247–248.

статистики в системе наук. Отличия статистики от географии он видит в том, что последняя может описывать территории, не составляющие государство. Предмет истории «есть все то, что сделано народами достопамятного», а статистики — «есть только состояние государства»; таким образом, «везде, где народы сделали что-либо достопамятное, есть материалы для истории, но только там, где народы живут под правлением, есть материалы для статистики». Смежные науки «служат частью к объяснению» статистики, так как «содержат в себе материалы, которые, если бы иначе о них предлагать, сделались бы существенными частями статистики» [Герман, 1809, с. 54]. Однако статистика отличается от них «способом предлагания» этих предметов. Все явления статистик рассматривает с точки зрения их влияния на состояние государства [Дружинин, 1961, с. 7].

При проведении статистического исследования Герман призывал руководствоваться принципом объективности: «Что говорится об историке, что он не должен принадлежать ни к какой партии, ни к политической, ни к церковной, то сие еще гораздо в высшей степени можно сказать о статистике». Он отмечал, что статистик в своих работах не должен фиксировать «одно только действительно доброе» и умалчивать о посредственном, иначе его описание «будет идеальная картина, не имеющая никакой живости, поелику нигде не имеет тени». Кроме того, исследователю следует тщательно проверять достоверность статистических данных: «Истина, в строжайшем смысле сего слова, есть первейшая и священнейшая должность статистика». Чтобы избежать искажений при сборе и обработке статистических сведений, Герман сформулировал ряд правил «статистической критики»: «1) Чем более для людей может быть выгодно скрывать истину, тем должен он [статистик] быть недоверчивее к показаниям их, хотя бы они помещаемы были и в государственных известиях. <...> 2) Статистик, определив вообще степень вероятности, каковую заслуживает такая от правительства выданная, или ему сообщенная таблица, должен оную сличить с другими подобными таблицами. <...> 3) Статистик должен сравнивать показания многих годов сряду; и если предположить, что нижние чиновники каждый год делали одинаковые ошибки, то и в таком случае, по крайней мере, статистическую истину усмотреть можно из взаимного содержания годовых сумм». Помимо официальных правительственных материалов, которые должны быть «подвержены строгой критике», Герман рекомендовал использовать в статистических описаниях и другие источники — известия и ведомости, издаваемые частыми лицами, описания путешественников: «все сии сочинения могут также содержать в себе много хорошего». Однако к ним также следовало относиться с осторожностью, так как «пристрастие делает их подозрительными». Вполне современна оценка Германом опроса как источника статистических сведений: «Что касается до изустных известий, оные составляют, конечно, очень хороший источник <...> Здесь все зависит от искусства спрашивать и от того, с какой проницательностью спрашивающий способен войти в содержание ответов и судить о качестве оных» [Герман, 1809, с. 88–89]. Как видно, размышления и рекомендации Германа во многом совпадают по содержанию с методом логического контроля, используемого в современной статистике [Плошко, Елисеева, 1990, с. 85]. Современник Германа А.В. Никитенко в своих воспоминаниях характеризовал статистические труды академика как «первый основной камень для создания в России статистики как науки» [Никитенко, 2012, с. 80]. Сам Герман всегда подчеркивал практическую значимость статистического

знания, которое «чиновниками несомненно может употребляемо быть с пользой» [Герман, 1809, с. 89].

Среди учеников Германа особое место занимает К.И. Арсеньев (1789–1865). Выпускник Педагогического института, он был оставлен там преподавать географию под руководством Е.Ф. Зябловского, с которым вскоре разошелся во взглядах на задачи статистики и подходах к экономическому районированию России [Перцик, 1960]. Одновременно Арсеньев сблизился с Германом, который предложил ему заниматься статистическими работами в Министерстве полиции. С 1816 г. Арсеньев преподавал в Инженерном училище, где обратил на себя внимание великого князя Николая Павловича, который начал покровительствовать его карьере — с 1817 г. Арсеньев был утвержден адъюнкт-профессором Педагогического института и продолжил преподавать там статистику и географию после преобразования института в университет. В это же время вышла его первая крупная статистическая работа — «Начертание статистики Российского государства» [Арсеньев, 1818]. По замечанию В.В. Григорьева, «Арсеньев в преподавании своем шел по следам Германа, изумляя слушателей <...> полнотою, верностью и разнообразием своих знаний» [Григорьев, 1870, с. 17].

Как и Герман, Арсеньев оказался под ударом в ходе «дела профессоров» в 1821 г. [Сухомлинов, 1889, с. 277–283]. Его уволили из университета, а «Начертание» изъяли из библиотек. Однако с воцарением Николая I ученый вновь оказался востребован — в 1828 г. он начал преподавать статистику наследнику престола Александру Николаевичу, в 1835 г. ему было поручено управление и реорганизация Статистического отделения МВД, в 1841 г. он был избран ординарным академиком.

Арсеньеву довелось жить и работать на разных этапах становления статистической науки в России, и за это время он неоднократно обращался к вопросам статистической теории. Он начал свою научную карьеру под впечатлением трудов Германа в традициях немецкого государственоведения, а закончил уже после появления трудов Кетле. В своих ранних трудах Арсеньев не уделял большого внимания вопросам теории государственоведения, считая достаточным ссылаться на работы Германа. В предисловии к «Начертанию» он отмечал: «На русском языке нет еще статистики, расположенной по правилам теории. Желание, по возможности сил моих и по обязанностям моего звания, содействовать общей пользе руководствовало мною при составлении сего краткого начертания Российской статистики. В расположении предметов, входящих в состав сей науки, я следовал теории статистики г. профессора Германа, бывшего моего наставника по сей части» [Птуха, 1959, с. 305].

Прилагая теоретические установки Германа к практическим исследованиям, Арсеньев не довольствовался простым описанием, а анализировал собранные данные, выявляя причинно-следственные связи и выдвигая гипотезы. В «Начертании» ученый оценивал отрицательное влияние крепостного права на развитие сельского хозяйства, делал весьма смелые выводы относительно деления общества на производительный и непроизводительный классы, внося при этом весомый вклад в разработку проблемы экономического районирования России. В 1848 г. Арсеньев опубликовал крупнейшее сочинение в своей научной карьере — «Статистические очерки России». При создании этого труда он использовал множество доступных ему статистических источников. Их достоверность автор оценивал следующим образом: «все сведения <...> почерпнуты мной из официальных источников; конечно, эти сведения, по самому существу своему, не могут иметь математической верно-

сти, но я вносил их в текст потому, что при общем сличении всех губерний взаимно между собою можно, на основании этих сведений, прийти к довольно правильным заключениям» [Арсеньев, 1848, с. 23].

Работы Германа и Арсеньева в историографии принято считать первыми трудами в рамках зарождающегося политико-экономического направления российской статистики. Однако отстранение ученых от преподавания в ходе «дела профессоров» и цензурный запрет на использование их учебных пособий затормозил развитие этой школы, и в следующие два десятилетия ученые-статистики работали в русле традиций немецкого государственоведения. Наиболее заметным представителем классического описательного направления был Е.Ф. Зябловский (1764–1846). После окончания Петербургской учительской семинарии в 1788 г. он был назначен учителем в Кольванское главное народное училище. Одновременно он занимался научной работой и начал собирать материалы для топографического и статистического описания Кольванского наместничества. Своими трудами Зябловскому удалось обратить на себя внимание, и в 1797 г. он вернулся в Петербургскую учительскую семинарию в качестве преподавателя сначала истории и географии, а затем статистики. Зябловский сохранил свое положение после преобразования семинарии в Педагогический институт, а затем — в университет, где он сначала занял кафедру географии, а после отстранения Германа — кафедру статистики [Берг, 1946, с. 214–217]. Современники отмечали исключительную работоспособность Зябловского, который за свою научную карьеру опубликовал множество научных трудов. Наиболее востребованными из них стали учебники по географии и статистике России и европейских стран. Они выдержали несколько переизданий и широко использовались для преподавания в высших учебных заведениях России. Несомненной заслугой Зябловского как исследователя было введение в научный оборот большого массива новых источников, многие из которых прежде были засекречены. Его внимание и усилия были сосредоточены на собирании и дополнении статистических данных, которые он систематизировал в соответствии с традицией немецкой школы университетской статистики. В своих трудах он мало и неохотно обращался к вопросам статистической теории, считая необходимым в точности следовать заветам Конринга и Ахенвала [Плетнев, 1844, с. 83].

Достаточно полное представление о теоретических взглядах Зябловского дает его работа «Статистическое описание Российской империи», в первой части которой изложены представления автора об источниках, предмете и методах статистического исследования [Зябловский, 1808]. Автор указывал, что при подготовке работы ориентировался на «Ахенвалево понятие статистики», которое «имеет преимущество перед прочими, т. е. что статистика есть основательное познание действительных достопримечательностей какого ни есть государства». Следовательно, для определения статистики как науки необходимо установить понятие государственной достопримечательности, которую статистик «описывает особенным порядком, с особенной убедительностью и достоинством». Для отбора «государственных достопримечательностей» следует руководствоваться степенью их влияния на благосостояние страны. При этом «все известия, принадлежащие к статистике, потребно располагать таким порядком, дабы с большей удобностью их представить». Зябловский придает особое значение системе расположения статистических данных: «Порядок, расположение и полная система необходимо должна быть, если статистика должна решить задачу, т. е. если она должна определить благополучие народов, их

обилие или недостаток; посему план статистики не может быть произвольный. Все части оной должны быть: 1) полны; 2) естественны; 3) соединены между собой по свойству, и, наконец, 4) самые важные предметы должны быть выставлены, так сказать, вперед, а менее примечательные с ними только находиться соединенными» [Зябловский, 1808, с. 3–20]. Поскольку Зябловский в разное время преподавал курсы географии, истории и статистики, особый интерес представляет его принцип разделения этих дисциплин. От географии статистику он отличал тем, что последняя «изучает только землю», а не все небесные тела; изучает страны и народы от частного к общему и «шествует медлительно и постепенно <...> дабы занять известие от просвещенных граждан и государственных правителей, и составить из них целое». Кроме того, география «входит с большими подробностями в топографические описания», а статистика должна описывать «нравственное состояние владения <...>, обстоятельное состояние сельского хозяйства, торговли, рукоделий, фабрик и прочих промыслов». Обе науки, по выражению автора, «хотя, так сказать, родные сестры, но не составляют одного и того же учения» [Зябловский, 1808, с. 9–11].

Представления Зябловского о задачах статистики не менялись на протяжении его научной карьеры, и если на рубеже XVIII–XIX вв. они вполне удовлетворяли уровню развития теоретической мысли, то в 1830–1840-е гг. уже не соответствовали принятым в науке представлениям о том, что «статистика не должна, не может быть простым описанием». По словам академика П.А. Плетнева, «профессор Зябловский не внес в науку ни новых начал, ни новых идей. Он только был охранителем истин, принятых им еще в молодости. Ему не привились высшие взгляды на значение фактов и вообще данных. Зато не пренебрегал он порядком, полнотой и точностью в изображении явлений» [Отчет о состоянии, 1847, с. 17].

Схожих с Зябловским взглядов придерживался И.А. Гейм (1758–1821). Немец по происхождению, выпускник Геттинггенского университета, Гейм был приглашен в Московский университет на кафедру всеобщей истории. Сохранились упоминания о том, что в 1786 г. Гейм одним из первых профессоров в России начал читать курс статистики. Ученый сделал успешную карьеру в Московском университете, с 1808 по 1819 г. занимал пост ректора, однако не прекращал чтения лекций и научной работы [Андреев, 2010, с. 145–147]. Своеобразным итогом его изысканий в области государственоведения стала книга «Опыт начертания статистики главнейших государств», опубликованная незадолго до смерти ученого. В предисловии автор указывал, что при подготовке книги ориентировался на труды Шлецера и, «не щадя никаких издержек, пользовался при описании каждого государства важнейшими новыми иностранными сочинениями, ландкартами и всеми лучшими и обильнейшими источниками, которые только мог достать». Следуя идеям Ахенваля и Шлецера, Гейм определял статистику как «основательное познание действительных достопримечательностей какого-нибудь государства». Государство ученый определял как «общество людей, занимающее известное пространство земли и управляемое одной законной властью для сохранения внутренней и внешней безопасности и для споспешествования общему благополучию». Исходя из этого под «государственной достопримечательностью» следовало понимать «все то, что споспешествует благосостоянию государства, также и то, что причиняет ему вред». Описание государства у Гейма складывается из формы организации политической власти, а также из описания «народа, или общества, в нем соединенного». Таким образом, предмет статистики Гейм разделил на две составляющих: «государствоведение и народоведение».

К «народоведению» автор относил описание экономического положения страны и благосостояния отдельных категорий населения, а также уровень просвещения. В соответствии с традициями немецкой школы, Гейм утверждал, что «статистика изображает государство в том точно виде, в каком оно находится, не входя ни в какие исследования о том, как бы должно быть и как можно лучше сделать». Изучение статистики необходимо не только государственным чиновникам, но и всем гражданам, «любящим свое Отечество, преданным своему государю и желающим им непрерывного счастья» [Гейм, 1821, с. 10–11]. Как видно, определяя научное содержание статистики, Гейм в целом повторял формулировки немецких классиков, не считая необходимым дополнять их новыми теоретическими изысканиями.

Описательное направление господствовало в российской статистике вплоть до конца 1830-х гг., когда в его адрес все громче начала звучать критика. Это объяснялось проникновением в Россию набиравших популярность в Европе идей А. Кетле. Статистика теперь рассматривалась как одна из наук об обществе, от которой требовался не только сбор и систематизация данных, но полноценный анализ и прогнозирование социальных явлений [Дружинин, 1979, с. 29–49]. Ее задача — исследовать причины и закономерности, которым, подобно физическим явлениям, подчиняется общественная жизнь. В России одним из первых критиков классической описательной школы стал В.С. Порошин (1811–1868), занимавший с 1835 г. кафедру политической экономии и статистики в Петербургском университете [Порошин Виктор Степанович, 1905, с. 577–580]. В небольшой по объему работе «Критические исследования об основаниях статистики» ученый провозгласил принципиальное теоретическое положение: «Как летопись — не история, так описание — не статистика» [Порошин, 1838, с. 52]. Задачу статистики Порошин видел не в описании фактов, а в их анализе и выведении общественных законов. По его мнению, «два понятия: наука и теория нераздельны», но порядок расположения статистических данных, принимаемый сторонниками описательной школы за теорию, не следует смешивать с последней. Порошин поставил под сомнение тезис Ахенвала и Шлецера о том, что статистик должен лишь извлекать из источников достопримечательности и описывать их. Более того, он заявлял, что простое описание не следует использовать в статистике, так как описывать можно лишь явления, где «роды и виды пребывают неизменно». Характеризуя предмет изучения статистики, Порошин отмечал, что описания обыкновенно состоят из трех частей — землеописания, описания народа и государственных учреждений, однако «три разнородные части, сокращения трех так называемых наук, могут ли образовать идею одной науки? <...> Как предмет ее, так и способ познания те же самые, что у географии, этнографии и положительного права». Порошин предлагал считать предметом статистики «человека, в отношении влияния на него трех причин: местности, происхождения или племени и истории» [Порошин, 1838, с. 38].

Порошин поставил перед сообществом статистиков принципиальные вопросы, оживив тем самым теоретическую мысль и ускорив переход от описательного направления к аналитическому. Синтез обоих направлений представлен в вышедшей вслед за книгой Порошина монографии харьковского профессора И.И. Срезневского (1812–1880) [Срезневский, 1839]. Рассуждая о соотношении статистики и политической экономии, ученый отталкивался из представлений описательной школы о том, что предмет политической экономии — «система элементов и условий государственного богатства», является частью более обширного предмета статисти-

ки — «системы элементов и условий бытия жизненности государства». При этом он стремился увязать в одну систему классическое немецкое государственное устройство, идеи Кетле и численное направление: «Все факты статистические можно удобно разделить на два рода: одни факты — предметных описаний, другие — цифрированных изображений и качественных исчислений. Отличие одних от других ведет за собой различие и идей, выводимых из них: в первых преобладает слово, во вторых — цифры. <...> Можно надеяться, что при настоящей ученой деятельности в Европе не замедлят явиться теории статистические, <...> и статистика сделается, как предполагал и желал ученый Герман, средоточием и основанием прочих политических наук, из которых каждая объемлет не более одной части, между тем как статистика имеет предметом целое государство» [Срезневский, 1839, с. 78–79].

Коллега Срезневского по Харьковскому университету А.П. Рославский-Петровский (1816–1872) в своих исследованиях также сочетал идеи политических арифметиков, Кетле и описательной школы. В своих «Лекциях статистики» он подверг суровой критике описательную школу за приверженность простой систематизации известных фактов, считая необходимым изучать закономерности исторического развития: «Так называемые статистические описания представляют искусственное соединение разнородных веществ, лишённое органической стройности, не проникнутое единством живящего духа <...>. Одни факты, взятые отдельно от закона своего проявления, еще не составляют бытия» [Рославский-Петровский, 1841, с. 11–12]. Рославский называл статистические описания государствоведов «ученой мозаикой», которая представляет лишь «собрание фактов, подверженных непрерывному изменению», это «не учение о постоянных и вечных законах, которые одни составляют предмет наук». Статистика должна играть в открытии общественных законов ведущую роль, опираясь на изучение массовых явлений: «Чем значительнее число исследуемых фактов, тем бывает легче отделить случайное от необходимого, и, наоборот, при небольшом количестве данных мы можем скорее подвергнуться опасности принять частный случай за общий закон». Критическое отношение к университетской статистике не помешало Рославскому предложить схему статистического описания, мало чем отличавшуюся от классиков государственного устройства. Ученый утверждал, что не только земля и народ, но и образ правления и его формы должны составлять содержание статистического описания государства. «Что касается до принадлежностей верховной власти: каковы, например, титул, герб, кавалерские ордена и придворный штат, <...> все они также составляют предмет статистики» [Рославский-Петровский, 1841, с. 68].

Влияние идей описательной школы продолжало сказываться на теоретических взглядах российских статистиков до конца 1840-х гг. Так, Д.А. Милютин (1816–1912) в первой части работы «Первые опыты военной статистики» высказывался против описательного направления: «Науку составляет не одно описание данных или явлений, а тот логический анализ, которым эти частные данные или явления сливаются в одно стройное целое идей» [Дружинин, 1961а, с. 12]. Однако далее он отвергал важность изучения количественных показателей и причинно-следственных связей, определяя предмет статистики в духе описательной школы: «Не в выводе законов общих, по коим всякое государство и всегда должно развиваться, а в указании действительного развития известного государства в один лишь данный момент (чаще принимаемый за современную эпоху)» [Милютин, 1847, с. 42–45].

Ученые, критиковавшие в 1830–1840-е гг. описательное направление, сходились на том, что задача статистики не может состоять в простой систематизации фактов, но должна заключаться в изучении причинно-следственных связей и объективных закономерностей окружающей действительности. Однако далее они столкнулись с необходимостью определить специфическое научное содержание статистики, отделив предмет ее изучения от других социальных наук. Важный шаг в этом направлении сделал Д.П. Журавский (1810–1856). Начав карьеру чиновником Министерства государственных имуществ, затем он поступил в распоряжение киевского губернатора и занимался составлением статистического описания Киевской губернии [Птуха, 1951]. В работах Журавского предмет статистических исследований впервые сформулирован как изучение «численной стороны» явлений посредством «категорического вычисления» — группировки статистических данных: «Статистика в обширнейшем смысле может быть определена наукою категорического вычисления. Ей подлежат все тела, существа, силы, явления, факты, мысли и т. п., которые могут быть разделены и подразделены на однородные и одновидные части, и сосчитаны по каждому роду и виду отдельно» [Журавский, 1946, с. 99]. Исходя из метода изучения, Журавский разделил статистику на материальную и рациональную. Первая предполагала «работы по собиранию и распределению сведений и чисел», т. е. организацию статистического наблюдения и сбор данных. Под рациональной статистикой Журавский понимал статистический анализ полученных данных и вычисление различных статистических показателей. Если задача материальной статистики — «достигать возможной степени верности и полноты в числах», то рациональная статистика представляет уже «настоящее вычисление, отличающееся от чисто математического тем, что результаты его выражаются не отвлеченными численными формулами, а логическими заключениями» [Там же, с. 100–102].

Таким образом, если главной особенностью немецкого государственоведения был описательный характер, который оно сохраняло на протяжении всего своего существования, то российская школа на определенном этапе перешла к изучению причинно-следственных зависимостей и общих законов развития общества. Испытав на себе давление со стороны государственной власти, выразившееся прежде всего в форме «дела профессоров» и цензурных ограничений, она тем не менее продолжила свою эволюцию под влиянием идей Кетле. Представляется, что сложившееся в советской историографической традиции критическое отношение к российской описательной школе как к реакционному явлению отечественной науки не оправданно. В первой половине XIX в. уровень статистической теории шел вслед за развитием статистической практики и приложением статистических сведений к нуждам государственного управления. В государственоведении зародились предпосылки многих статистико-теоретических концепций.

Литература

Андреев А.Ю. Гейм Иван Андреевич // Императорский Московский университет: 1755–1917: Энциклопедический словарь. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 145–147.

Арсеньев К.И. Начертание статистики Российского государства. Ч. 1–2. СПб.: Тип. Имп. воспитательного дома, 1818–1819. Ч. 1: О состоянии народа. 1818. 245 с.; Ч. 2: О состоянии правительства. 1819. 286 с.

Арсеньев К.И. Статистические очерки России: СПб.: Тип. ИАН, 1848. 503 с.

Берг Л.С. Е.Ф. Зябловский (1765—1846), первый профессор географии в Петербургском университете // Берг Л.С. Очерки по истории русских географических открытий. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 214—217.

Взаимосвязи российской и европейской экономической мысли: Опыт Санкт-Петербурга / Под ред. И.И. Елисеевой и А.Л. Дмитриева. СПб.: Нестор-История, 2013. 480 с.

Гейм И.А. Опыт начертания статистики главнейших государств. М.: Универс. тип., 1821. 465 с.

Герман К.Ф. Всеобщая теория статистики для обучающихся сей науке. СПб.: ИАН, 1809. 107 с.

Герман К.Ф. Историческое обозрение литературы статистики, в особенности Российско-го государства. СПб.: ИАН, 1817. 80 с.

Герман К.Ф. Теория статистики // Статистический журнал. 1806. Т. 1. Ч. 1. С. 1—28; Т. 1. Ч. 2. С. 1—10.

Герман К.Ф. Краткое руководство ко всеобщей теории статистики для употребления в училищах Российской империи. СПб.: Главное правление училищ, 1808. 22 с.

Герман К.Ф. Статистические исследования относительно Российской империи. Ч. 1. О народонаселении. СПб.: ИАН, 1819. 235 с.

Гозулов А.И. Очерки истории отечественной статистики. М.: Статистика, 1972. 312 с.

Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1870. 432 с.

Дмитриев А.Л. Карл Федорович Герман: Статистик и экономист (к 250-летию со дня рождения) // Вестник СПбГУ. Сер.: Экономика. 2017. Т. 33. Вып. 3. С. 433—451.

Дружинин Н.К. Русские статистики первой половины XIX в. о содержании статистики как науки // Очерки по истории статистики СССР. Сб. 2. М.: Госстатиздат, 1961а. С. 3—15.

Дружинин Н.К. Возникновение в России теории статистики // Очерки по истории статистики СССР. Сб. 4. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1961б. С. 3—19.

Дружинин Н.К. Развитие основных идей статистической науки. М.: Статистика, 1979. 269 с.

Елисеева И.И. Дмитриев А.Л. Очерки по истории государственной статистики России. СПб.: Росток, 2016. 288 с.

Ефимова М.Р. Сочетание практической, научной и педагогической деятельности — традиции отечественных статистиков // Вопросы статистики. 2015. № 4. С. 80—88.

Ефимова М.Р. Сочетание практической, научной и педагогической деятельности — традиции отечественных статистиков (Часть II: XX век) // Вопросы статистики. 2016. № 1. С. 68—78.

Журавский Д.П. Об источниках и употреблении статистических сведений. Киев: Тип. И. Вальнера, 1846. 210 с.

Зябловский Е.Ф. Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии с предварительными понятиями о Статистике и с общим обозрением Европы в Статистическом виде: В 2 кн. Кн. 1. СПб.: В Морской тип., 1808. 347 с.

Кауфман А.А. Статистическая наука в России: Теория и методология. 1806—1917. Историко-статистический очерк. М.: ЦСУ, 1922. 218 с.

Кауфман А.А. Теория статистики. М.: Тип. И.Д. Сыгина, 1909, 440 с.

Милотин Д.А. Первые опыты военной статистики. Кн. 1. СПб.: Тип. военно-учебных заведений, 1847. 248 с.

Никитенко А.В. Воспоминание о Карле Федоровиче Германе // Вопросы статистики. 2012. № 10. С. 77—81.

Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-петербургского университета за 1847 год / Сост. П.А. Плетнев. СПб.: В привилег. тип. Фишера, 1847. 300 с.

Периц Е.Н. К.И. Арсеньев и его работы по районированию России. М.: Географиз, 1960. 119 с.

Плетнев П.А. Первое двадцатипятилетие Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб.: Тип. военно-учебных заведений, 1844. 227 с.

Плошко Б.Г., Елисеева И.И. История статистики. М.: Статистика, 1990. 296 с.

Порошин В.С. Критические исследования об основаниях статистики. СПб.: Тип. ИАН, 1838. 52 с.

Порошин Виктор Степанович // Русский биографический словарь: В 25 т. Т. 14. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1905. С. 577–580.

Птуха М.В. Д.П. Журавский (1810–1856): Жизнь, труды, статистическая деятельность. М.: Госстатиздат, 1951. 123 с.

Птуха М.В. Очерки по истории статистики в СССР: В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 471 с.

Птуха М.В. Очерки по истории статистики в СССР: В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 479 с.

Рославский-Петровский А.П. Лекции статистики, читанные в Харьковском университете адъюнктом Александром Рославским. Харьков: Универс. тип. 1841. 145 с.

Святловский В.В. К истории политической экономии и статистики в России. СПб.: Начало, 1906. 200 с.

Скопа В.А. Работы статистиков XIX века как исторический источник по изучению статистических учреждений и их деятельности // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. Ч. 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21035> (дата обращения: 21.08.2020).

Скрыдлов А.Ю. Академик К.Ф. Герман: На пересечении науки и государственной службы (к 250-летию со дня рождения ученого) // Социология науки и технологий. 2017. № 1. С. 16–27.

Скрыдлов А.Ю. Институционализация статистической науки в университетах Российской империи // Genesis: Исторические исследования. 2020. № 3. С. 24–38.

Скрыдлов А.Ю. Отечественная статистика в общественно-политическом контексте начала XIX в.: Проблемы институционализации // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН: Материалы годичной научной конференции. М.: Янус-К, 2018. С. 724–727.

Соболев В.С. Во главе первого ученого общества империи: Нормативно-правовые основы деятельности президентов РАН. 1725–1917 гг. СПб.: Нестор-История, 2015. 184 с.

Соколов Я.В., Еременко Т.В. Первая научная парадигма статистики // Вопросы статистики. 2011. № 1. С. 71–74.

Срезневский И.И. Опыт о предмете и элементах статистики и политической экономии сравнительно. Харьков: Универс. тип., 1839. 124 с.

Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1889. 686 с.

Шейнин О.Б. К истории государственного управления // Финансы и бизнес. 2014. № 1. С. 136–156.

Янсон Ю.Э. Теория статистики: Лекции проф. Ю.Э. Янсона. СПб.: Тип. Шредера, 1887. 537 с.

Achenwall G. Abriss der neuesten Staatswissenschaft der vornehmsten Europäischen Reiche und Republicken zum Gebrauch in seinen Academischen Vorlesungen. Göttingen: bey Joh. Wilhelm Schmidt, Univ. Buchhandl, 1749. 324 S.

Achenwall G. Vorbereitung zur Staatswissenschaft der heutigen fürnehmsten Europäischen Reiche und Staaten worinnen derselben eigentlichen Begriff und Umfang in einer bequemen Ordnung entwirft und seine Vorlesungen darüber ankündigt. Göttingen, 1748. 44 S.

Schlözer A.-L. Theorie der Statistik nebst Ideen über das Studium der Politik überhaupt. Göttingen, 1804. 151 S.

Russian School of *Staatswissenschaft* on the Subject and Methods of Statistical Science

ANDREY YU. SKRYDLOV

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology,
of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch,
St Petersburg, Russia;
e-mail: askrydlov@gmail.com

The article provides a review of the scientific works written by the most significant representatives of *Staatswissenschaft* Russian school — an early statistical science movement, which developed in Russia under the influence of the German university statistics in the late 18th — early 19th centuries. Based on historiographic sources, an analysis of the scientists' opinions about the purpose, subject and methodology of statistical research was carried out. In Russian science theoretical issues of statistical research were first covered in Carl Theodor Hermann's works. He proposed his own methodology for statistical study, a system for statistical description and criticism of sources. Hermann's disciple K.I. Arseniev developed that ideas and used them in his research. Hermann's and Arseniev's studies are considered to be the first works in the emerging political economy direction of Russian statistics. However, the scholar's removal after the "case of professors" and the censorship ban on their textbooks slowed down that school growth. In the next two decades, statisticians continued to work in line with the classical German *Staatswissenschaft* traditions. The article analyzes E.F. Zyablovsky's and I.A. Geim's theoretical works, which were widely used in the 20–30s of the 19th century. Also shows descriptive school critics' position. It is noted that the main feature of the Russian *Staatswissenschaft* is the desire to study causal relationships and general laws of society development.

Keywords: History of statistics, staatswissenschaft, Carl Theodor Hermann, K.I. Arseniev, E.F. Zyablovsky, I.A. Geim, V.S. Poroshin, D.P. Zhuravsky.

Acknowledgments

The research was carried out with support from the Russian fund of basic research (RFBR) according to the research grant no. 19-111-50412.

References

- Achenwall, G. (1748). *Vorbereitung zur Staatswissenschaft der heutigen fürnehmsten Europäischen Reiche und Staaten worinnen derselben eigentlichen Begriff und Umfang in einer bequemen Ordnung entwirft und seine Vorlesungen darüber ankündigt*. Göttingen (in German).
- Achenwall, G. (1749). *Abriß der neuesten Staatswissenschaft der vornehmsten Europäischen Reiche und Republicken zum Gebrauch in seinen Academischen Vorlesungen*. Göttingen (in German).
- Andreev, A.Yu. (Ed.) (2010). Geym Ivan Andreyevich [Geim Ivan Andreevich] // *Imperatorskiy Moskovskiy universitet: 1755–1917: entsiklopedicheskiy slovar'*. Moskva: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (in Russian).

Arsen'yev, K.I. (1818–1819). *Nachertaniye statistiki Rossiyskogo gosudarstva* [Inscription of statistics of the Russian state. Part 1. About the state of the people]. Vol. 1–2. S.-Peterburg: Tip. Imp. vospitatel'nogo doma (in Russian).

Arsen'yev, K.I. (1848). *Statisticheskiye ocherki Rossii* [Statistical essays of Russia]. S.-Peterburg: Tip. IAN (in Russian).

Berg, L.S. (Ed.) (1946). E.F. Zyablovskiy (1765–1846), pervyy professor geografii v Peterburgskom universitete [E.F. Zyablovsky (1765–1846) — the first professor of geography at St. Petersburg University]. In *Ocherki po istorii russkikh geograficheskikh otkrytiy*. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR (in Russian).

Dmitriev, A.L. (2017). Karl Fedorovich German: Statist i ekonomist (k 250-letiyu so dnya rozhdeniya) [Karl Fedorovich Hermann: Statistician and Economist (on the occasion of the 250th anniversary of his birth)]. *Vestnik SPbGU. Ser.: Ekonomika*, no. 3, 433–451 (in Russian).

Druzhinin, N.K. (1961a). Russkiye statistiki pervoy poloviny XIX v. o sodержanii statistiki kak nauki [Russian statisticians of the first half of the 19th century about the content of statistics as a science]. In *Ocherki po istorii statistiki SSSR*, t. 2, 3–15 (in Russian).

Druzhinin, N.K. (1961b). Vozniknoveniye v Rossii teorii statistiki [The emergence of the statistics theory in Russia]. In *Ocherki po istorii statistiki SSSR*, t. 4, 3–19 (in Russian).

Druzhinin, N.K. (1979). *Razvitiye osnovnykh idey statisticheskoy nauki* [Development of the main ideas of statistical science]. Moskva: Statistika (in Russian).

Efimova, M.R. (2015). Sochetaniye prakticheskoy, nauchnoy i pedagogicheskoy deyatel'nosti — traditsii otechestvennykh statistikov [The combination of practical, scientific and pedagogical activities — the tradition of Russian statisticians], *Voprosy statistiki*, no. 4, 80–88 (in Russian).

Efimova, M.R. (2016). Sochetaniye prakticheskoy, nauchnoy i pedagogicheskoy deyatel'nosti — traditsii otechestvennykh statistikov (Chast' II — XX vek) [The combination of practical, scientific and pedagogical activities — the tradition of Russian statisticians (Part II — XX century)], *Voprosy statistiki*, no. 1, 68–78 (in Russian).

Eliseeva, I.I., Dmitriev, A.L. (2016). *Ocherki po istorii gosudarstvennoy statistiki Rossii* [Essays on the history of state statistics in Russia]. S.-Peterburg: Rostok (in Russian).

Eliseeva, I.I., Dmitriev, A.L. (Eds.) (2013). *Vzaimosvyazi rossiyskoy i evropeyskoy ekonomicheskoy mysli: Opyt Sankt-Peterburga* [Interrelations of European and Western economic thought: the experience of St. Petersburg]. S.-Peterburg: Nestor-Istoriya (in Russian).

Geym, I.A. (1821). *Opyt nachertaniya statistiki glavneyshikh gosudarstv* [Experience in studying statistics of the main states]. Moskva: Univers. tip. (in Russian).

German, K.F. (1806). Teoriya statistiki [Theory of Statistics]. *Statisticheskiy zhurnal*, t. 1, ch. 1, 1–28 (in Russian).

German, K.F. (1808). *Kratkoye rukovodstvo ko vseobshchey teorii statistiki dlya upotrebleniya v uchilishchakh Rossiyskoy imperii* [A short guide to the general theory of statistics, for use in colleges of the Russian Empire]. S.-Peterburg: Glavnoye pravleniye uchilishch (in Russian).

German, K.F. (1809). *Vseobshchaya teoriya statistiki dlya obuchayushchikhsya sey nauke* [General theory of statistics for teaching this science]. S.-Peterburg: IAN (in Russian).

German, K.F. (1817). *Istoricheskoye obozreniye literatury statistiki, v osobennosti Rossiyskogo gosudarstva* [Historical review of the literature of statistics, especially the Russian state]. S.-Peterburg: IAN (in Russian).

German, K.F. (1819). *Statisticheskiye issledovaniya otnositel'no Rossiyskoy imperii. Ch. 1. O narodonaselenii* [Statistical research on the Russian Empire. Part 1. On the population]. S.-Peterburg: IAN (in Russian).

Gozulov, A.I. (1972). *Ocherki istorii otechestvennoy statistiki* [Essays on the history of national statistics]. Moskva: Statistika (in Russian).

Grigor'ev, V.V. (1870). *Imperatorskiy Sankt-Peterburgskiy universitet v techeniye pervykh pyatidesyati let yego sushchestvovaniya* [The Imperial St Petersburg University during the first fifty years of its existence]. S.-Peterburg: Tip. V. Bezobrazova (in Russian).

- Kaufman, A.A. (1909). *Teoriya statistiki* [The theory of statistics]. Moskva: Tip. I.D. Sytina (in Russian).
- Kaufman, A.A. (1922). *Statisticheskaya nauka v Rossii: Teoriya i metodologiya. 1806–1917. Istoriko-statisticheskii ocherk* [Statistical science in Russia: Theory and methodology. 1806–1917]. Moskva: TsSU (in Russian).
- Milyutin, D.A. (1847). *Pervyye opyty voyennoy statistiki* [The first experience in military statistics]. Kn. 1. S.-Peterburg: Tip. voenno-uchebnykh zavedeniy (in Russian).
- Nikitenko, A.V. (2012). Vospominaniye o Karle Fedoroviche Germane [Memories of Karl Fedorovich Herman]. *Voprosy statistiki*, no. 10, 77–81 (in Russian).
- Pertsik, E. (1960). *K.I. Arsen'yev i ego raboty po rayonirovaniyu Rossii* [K.I. Arseniev and his work on the regionalization of Russia]. Moskva: Geografiz (in Russian).
- Pletnev, P.N. (1844). *Pervoye dvadtsatipyatiletie Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta* [The first twenty-fifth anniversary of the Imperial St. Petersburg University]. S.-Peterburg: V tip. voenno-uchebnykh zavedeniy (in Russian).
- Pletnev, P.N. (Ed.) (1847). *Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Imperatorskogo Sankt-peterburgskogo universiteta za 1847 god* [Report on activities of the Imperial St. Petersburg University for 1847]. S.-Peterburg: V privileg. tip. Fishera (in Russian).
- Ploshko, B.G., Eliseeva, I.I. (1990). *Istoriya statistiki* [The history of statistics]. Moskva: Statistika (in Russian).
- Poroshin Viktor Stepanovich [Poroshin Victor Stepanovich] (1905), In *Russkiy biograficheskiy slovar'*, v 25 t. T. 14. S.-Peterburg: Tip. I.N. Skorokhodova (pp. 577–580) (in Russian).
- Poroshin, V.S. (1838). *Kriticheskiye issledovaniya ob osnovaniyakh statistiki* [Critical research on the foundations of statistics]. S.-Peterburg: Tip. IAN (in Russian).
- Ptukha, M.V. (1951). *D.P. Zhuravskiy (1810–1856): Zhizn', trudy, statisticheskaya deyatel'nost'* [D.P. Zhuravsky (1810–1856): Life, works, statistical activities]. Moskva: Gosstatizdat (in Russian).
- Ptukha, M.V. (1955). *Ocherki po istorii statistiki v SSSR* [Essays on the History of Statistics in the USSR], v 2 t. T. 1. Moskva: Izd-vo AN SSSR (in Russian).
- Ptukha, M.V. (1959). *Ocherki po istorii statistiki v SSSR* [Essays on the History of Statistics in the USSR], v 2 t. T. 2. Moskva: Izd-vo AN SSSR (in Russian).
- Roslavskiy-Petrovskiy, A.P. (1841). *Leksii statistiki, chitannyye v Khar'kovskom universitete ad'yunktom Aleksandrom Roslavskim* [Lectures on statistics delivered at Kharkiv University by the adjunct Alexander Roslavsky]. Khar'kov: Univ. tip. (in Russian).
- Schlözer, A.L. (1804). *Theorie der Statistik nebst Ideen über das Studium der Politik überhaupt*. Göttingen (in German).
- Sheynin, O.B. (2014). K istorii gosudarstvovedeniya [On the history of political science]. *Finansy i biznes*, no. 1, 136–156 (in Russian).
- Skopa, V.A. (2015). Raboty statistikov XIX veka kak istoricheskiy istochnik po izucheniyu statisticheskikh uchrezhdeniy i ikh deyatel'nosti [Statisticians works as a historical source for the study of statistical institutions and their activities in the XIX century], *sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*, 2, Part 1. Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21035> (date accessed: 21.08.2020) (in Russian).
- Skrydlov, A.Yu. (2017). Akademik K.F. German: Na peresechenii nauki i gosudarstvennoy sluzhby (k 250-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo) [Academician K.F. Herman: At the intersection of science and public service (on the 250th anniversary of the birth of the scientist)]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 8 (1), 16–27 (in Russian).
- Skrydlov, A.Yu. (2018). Otechestvennaya statistika v obshchestvenno-politicheskom kontekste nachala XIX v.: Problemy institutsializatsii [Russian statistics in the social and political context of the early 19th century: Problems of institutionalization]. *Institut istorii estestvoznaniya i tekhniki im. S.I. Vavilova RAN. Materialy godichnoy nauchnoy konferentsii*, t. 24, 724–727 (in Russian).
- Skrydlov, A.Yu. (2020). Institutsializatsiya statisticheskoy nauki v universitetakh Rossiyskoy imperii [Institutionalization of statistical science in the universities of the Russian Empire]. *Genesis: Istoricheskiye issledovaniya*, no. 3, 24–38 (in Russian).

Sobolev, V.S. (2015). *Vo glave pervogo uchenogo obshchestva imperii: Normativno-pravovye osnovy deyatel'nosti prezidentov RAN. 1725–1917 gg.* [At the head of the first academic estate of the empire: The legal framework for the activities of the presidents of the Russian Academy of Sciences. 1725–1917]. S.-Peterburg: Nestor-Istoriya (in Russian).

Sokolov, Ya.V., Eremenko, T.V. (2011). Pervaya nauchnaya paradigma statistiki [The first scientific paradigm of statistics]. *Voprosy statistiki*, no. 1, 71–74 (in Russian).

Sreznevskiy, I.I. (1839). *Opyt o predmete i elementakh statistiki i politicheskoy ekonomii sravnitel'no* [The subject and elements of statistics and political economy in comparison]. Khar'kov: Univers. tip. (in Russian).

Sukhomlinov, M.I. (1889). *Issledovaniya i stat'yi po russkoy literature i prosveshcheniyu* [Research and articles on Russian literature and education]. T. 1. S.-Peterburg: Izd. A.S. Suvorina (in Russian).

Svyatlovskiy, V.V. (1906). *K istorii politicheskoy ekonomii i statistiki v Rossii* [On the history of political economy and statistics in Russia]. S.-Peterburg: Nachalo (in Russian).

Yanson, Yu.E. (1887). *Teoriya statistiki: Lektsii prof. Yu.E. Yansona* [Theory of statistics: Lectures by prof. Yu.E. Janson]. S.-Peterburg: Tip. Shredera (in Russian).

Zhuravskiy, D.P. (1846). *Ob istochnikakh i upotreblenii statisticheskikh svedeniy* [On the sources and use of statistical information]. Kiev: Tip. I. Val'nera (in Russian).

Ziyablovskiy, E.F. (1808). *Statisticheskoye opisaniye Rossiyskoy imperii v nyneshnem ee sostoyanii s predvaritel'nymi ponyatiyami o Statistike i s obshchim obozreniyem Evropy v Statisticheskoye vide* [Statistical description of the Russian Empire in its current state with preliminary concepts of Statistics and a general overview of Europe in Statistical form]. V 2 kn. Kn. 1. S.-Peterburg: V Morskoy tip. (in Russian).